



Император Николай I.  
Е. Ботман. 1949 г. ГМЗ «Петергоф»

# Праздники в Луговом и Колонистском парках Петергофа в царствование Николая I

И. О. Пащинская

Многолюдные петергофские маскарады в день рождения императрицы Александры Федоровны в Большом дворце и иллюминации Нижнего парка были одной из традиций царствования Николая I.

Но в 40-х – первой половине 50-х годов XIX века в Петергофе к югу от Верхнего сада по воле и при непосредственном участии императора были созданы Колонистский и Луговой парки с изящными постройками по проектам А. И. Штакеншнейдера. Разнообразные павильоны – Царицын, Ольгин, Розовый (Озерки), Никольский домик, Сельский приказной домик, мельница стали местами для чаепитий, полдников, ужинов во время прогулок императорской семьи. Там же стали устраиваться и праздники, непохожие на традиционные петергофские балы и маскарады. Начало им было положено в июле 1846 года.

Зиму 1845–1846 годов императрица Александра Федоровна с дочерью Ольгой Николаевной провели на Сицилии. В Палермо решился вопрос о браке Ольги Николаевны. Она приняла предложение принца Карла Вюртембергского. Свадьбу решено было отпраздновать в Петергофе 1 июля 1846 года<sup>1</sup>.

Возвращавшихся из Италии жену с дочерью Николай выехал встречать в Варшаву. В честь его приезда 11 (23) мая в Лазенках был устроен праздник с иллюминацией. Газета «Варшавский курьер», сообщая об этом празднике, отметила, что парк был иллюминирован «цветными лампами, помещенными на колоннах»<sup>2</sup>. 25 мая 1846 года



Императрица  
Александра Федоровна.  
В. Гау. 1834 г. ГМЗ «Петергоф»

гофмаршал граф А. П. Шувалов из Варшавы сообщил управляющему Петергофским дворцовым правлением С. М. Лихардову, что на Императорском стеклянном заводе уже заказано более 3000 цветных фонарей по образцу лазенковских и император желает, чтобы после бракосочетания Ольги Николаевны «фонарями сими ежедневно освещалось пространство перед окнами Ея высочества в Большом дворце»<sup>3</sup>. Из Варшавы в Петербург был командирован подполковник Федорович «для указания как должны быть оные (цветные фонари) повешены и устроены»<sup>4</sup>.

Уже через месяц в Петергофе, в день рождения Николая Павловича,



Великая княжна  
Ольга Николаевна. П. Орлов.  
1846 г. ГМЗ «Петергоф»

25 июня, когда состоялось обручение Ольги Николаевны и принца Вюртембергского, «предназначенный церемониалом парадный бал был отменен; но вечером загорелась совершенно обворожительная, совсем новая иллюминация одного Верхнего сада. Ее устраивал, по примеру бывшей в Варшаве для встречи императрицы<sup>5</sup>, нарочно выписанный сюда поляк. На деревьях было развешено в форме виноградных лоз, 52 000 разноцветных стеклянных фонарей, и сверх того сад горел множеством пальмовых деревьев и колонн, увенчанных корзинами с цветами. Для выделки этих фонарей были остановлены все работы на казенном заводе, и за всем тем, последние три тысячи поспели в самый день иллюминации»<sup>6</sup>. Камерфурьерский журнал свидетельствует, что назначенный по церемониалу бал был отменен и «их величества с их

высочествами прибыли в Большой дворец и с приглашенными особами на балконе изволили кушать чай, мороженое, фрукты и молочное — и обозреть иллюминацию, устроенную прибывшим для сего из Варшавы подполковником Федоровичем среди сада Верхнего сада и украшенную разноцветными фонарями и шкаликами<sup>7</sup>. В «Северной пчеле» об этом событии сообщалось: «В этот день почти весь Петербург переселился в Петергоф. Не фельетону описывать, что происходило в этот день в очаровательном жилище царском. Городской вестник может только упомянуть о необыкновенном стечении народа в Верхнем петергофском саду и о чудесной иллюминации, бывшей там первый раз. Это было что-то особенное, дивное, волшебное... Все деревья Верхнего сада сверху донизу были увешаны разноцветными шкаликами и стеклянными фонарями разной формы; над кустами возвышались пирамиды, блестящие разноцветными огнями; пруды и фонтаны были окаймлены широкою полосой цветных огней; по лугам были видны ряды, фестоны и арабески маленьких шкаликов, издали казавшиеся роскошными фантастическими цветами, составленными из бриллиантов, рубинов, изумрудов и всех возможных драгоценных камней»<sup>8</sup>.

1 июля состоялось венчание Ольги Николаевны и Карла Вюртембергского по православному, а затем и по лютеранскому обрядам, парадный обед в Большом дворце и бал. На следующий день были устроены традиционные маскарад и иллюминация Нижнего парка<sup>9</sup>. В те два дня Верхний сад иллюминировался так же, как и в день помолвки. Автор «Дружеского письма в Москву» восхищенно писал: «Не могу тебе выразить того чувства, которое овладело мною, когда я вошел в этот сад... Мне показалось, что я в саду обладателя волшебной лампы. На высоте дерев были повешены разного цвета зажженные продолговатые фонари, которые казались то красными, то синими, то фиолетовыми плодами. Те же, которые скрывались за ветвями дерев, показывали свое присутствие тем, что осыпали разноцветными искрами темные листья. Фонари меньшего размера стояли на земле в цветниках, где эти фонари заменяли цветы. Кроме того, все пруды были ими иллюминированы, а многие из них висели почти на воздухе... Перед драгоценными

каменьями Верхнего сада, золото Нижнего показалось мне бледным...»<sup>10</sup>.

Цветные фонари были синими, зелеными, алыми, фиолетовыми, светло- и темно-желтыми. Кроме того, в иллюминациях использовались белые хрустальные фонари трех видов с цветными вкладками, шкалики белые и крашенные и хрустальные белые гладкие фонари. Для светильников готовилась зеленая, синяя и желтая воды<sup>11</sup>. Для иллюминации были изготовлены из дерева и окрашены кусты разного рода, «ромбусы» и к ним корзины с цветами, щиты с изображением ананасов, тополей, ваз с цветами, щиты готические, колонны плоские волнистые, византийские колонны, венки с кольями и без колея<sup>12</sup>. Новые иллюминации в документах назывались «в новом роде», «из цветных фонарей», «с разноцветными фонарями», с «цветными фонариками на манер Варшавских».

По окончании свадебных торжеств, 4 июля, император приказал фонари, шкалики и прочие принадлежности иллюминации Верхнего сада передать для хранения в иллюминационные кладовые, но потребовал, чтобы они хранились отдельно от принадлежностей большой иллюминации и отпусались по требованию управляющего Петергофским дворцовым правлением С. М. Лихардова без особого разрешения гоф-интендантской конторы, в ведении которой был иллюминационный двор<sup>13</sup>. Таким образом создавался особый фонд хранения иллюминационных принадле-

ностей, которым можно было распорядиться более оперативно, чем раньше. Это позволяло организовывать небольшие иллюминации. В том году их устраивали в Верхнем саду — 25 июня, 1 и 2 июля, в Английском парке — 8 июля<sup>14</sup> и 21 июля на островах Большого пруда. Все их устраивал подполковник Федорович<sup>15</sup>.

Рисунок А. Ф. Чернышева, хранящийся в Государственном музее-заповеднике «Петергоф», дает нам возможность представить, как шла подготовка к празднику на Ольгином (Большом) пруду. На озеро доставлялись лодки для артистов и для гостей, иллюминационные предметы устанавливались на берегах пруда.

21–22 июля традиционно были праздничными для царской семьи. 22 июля — день тезоименитства Марии и день рождения Фридриха Вильгельма III. В те дни вспоминали ушедших — мать императора императрицу Марию Федоровну и отца императрицы, праздновали именины великих княгинь Марии Николаевны и Марии Александровны.

В том году 21 июля гости «из числа проживающих в Петергофе особ», приглашенные императрицей, собрались на Царицын остров в 8 часов вечера. Александра Федоровна и Николай Павлович прибыли с «их высочествами». По-видимому, на празднике присутствовали и находившиеся в тот день в Петергофе наследник Александр Николаевич с супругой Марией Александровной, сыновья императора Константин, Николай и Михаил, дочери Мария с мужем герцогом



Е. Мейер. Царицын остров и павильон в Колонистском парке. 1845 г. ГМЗ «Петергоф»

Лейхенбергским, Ольга с мужем принцем Вюртембергским, принц Ольденбургский, брат Александры Федоровны принц Вильгельм Прусский и другие приглашенные. На острове был устроен полдник, гостей угощали канапе и мороженым. Острова, берега пруда и Съезжий дом были иллюминированы новыми цветными фонарями. На Ольгином острове «пели разные арии артистки и артисты, с сопровождением театральной музыки. Три иллюминированных судна и малая лодка развезжали с артистами и музыкантами на пруду около островков»<sup>16</sup>. На горке напротив Царицыного острова располагался оркестр<sup>17</sup>.

Праздничное мероприятие в документах Дирекции императорских театров, артисты которой пели в тот день, именовалось серенадой<sup>18</sup>. В этот день над водной гладью пруда звучало прекрасное пение бельканто. Европейская знаменитость, обладатель прекрасного баритона Антонио Тамбурини исполнял для гостей праздника арии из итальянских опер. В серенаде принимали участие и другие артисты итальянской оперы, пел и сын А. Тамбурини. Ферреро инструментировал для этого праздника музыку из оперы *Fidanzata Cozza Джованни Пачини*<sup>19</sup>.

Великий князь Константин Николаевич записал в тот день в своем дневнике: «Вечер провели на Царицыном острове. Этот вечер был одним из самых чудных, которые я видывал. Все острова, дома... кругом были освещены разноцветными фонарями, и по воде гребли разные расцвеченные лодки, на которых пели серенады. Это было чудесно. Потом я возил Оли и Мама в лодке по озеру и оттуда все вместе было еще дивнее»<sup>20</sup>.

Праздник получился замечательным. На следующий год, когда по заведенному порядку в январе был сделан запрос из гофинтендантской конторы министру императорского двора о проведении иллюминации летом в Петергофе, министр генерал-фельдмаршал П. М. Волконский сообщил, что Николай I «не изъявил высочайшего соизволения по устройству в нынешнем году большой иллюминации, а повелел приготовить оную только на Царицыном острове и около оною, по примеру того, как было в прежнем году»<sup>21</sup>. Подготовкой к иллюминации было поручено заниматься столоначальнику титулярному советнику Мейеру, чиновнику особых поручений Мордвинову, архитектору

Кузьмину и младшему смотрителю Андрееву<sup>22</sup>. 9 апреля архитектор представил рисунки, свои замечания к ним и их опись<sup>23</sup>. Поначалу не принимавший участия в работах предыдущего года Кузьмин сделал рисунки и план иллюминации отличные от того, что было ранее. Он предлагал иллюминировать Дом полиции, Ванную<sup>24</sup>, щиты на месте для снабжения водою, на мостике, на спуске озера, гирлянды вокруг двух озер, декорацию, ограничивающую место гулянья, и пригорок<sup>25</sup>. Но ему еще раз было указано, что необходимо сделать точно так, как за год до этого<sup>26</sup>.

При подготовке к празднику были составлены кондиции и объявлены торги на столярные и плотницкие работы, закупались лампы и шкалики белого и голубого цветов, заказывались свечи и 5000 поплавков, изготовлялось 200 восковых факелов для зажигания свечей в фонарях и ламп-пионах<sup>27</sup>. Изготавливались и расписывались иллюминационные предметы для развешивания цветных фонарей. Как и в прошлом году, это были сделанные из дерева «корзины с цветами, ананасы на пьедесталах под натуру, разные кубки с цветами, цветные венки с двух сторон, деревья в вазах и кадках с цветами, тополя под натуру, беседки, волнистые колонны»<sup>28</sup>. Архитектор запрашивал, нельзя ли будет прислать 100 матросов в дополнение к тем 80 плотникам и 80 женщинам и мальчикам, которых разрешили нанять для зажигания иллюминации<sup>29</sup>. Но флот находился в море, и поэтому рассматривался вопрос о найме для этих работ мастеровых людей или обывателей Петергофа<sup>30</sup>.

Праздник с иллюминацией на островах состоялся 6 августа, в день Спаса Преображения Господня и в день рождения Марии Николаевны, ровно через три года после того, как Царицын остров первый раз посетила Александра Федоровна и он получил свое название. Вечером у павильона собрались по приглашению императрицы гости. Когда в 9 часов прибыли Николай Павлович и Александра Федоровна, их дочь Мария Николаевна, а также сыновья Николай и Михаил, сестра и брат императрицы принцесса Нидерландская и принц Прусский, а также принц Вюртембергский, начала играть музыка. Музыканты Конного и Кавалергардского полков размещались одни «на Горке против острова, а другие на Ольгином острове. Потом на иллюминирован-

ных разными фонарями катерах ездили по озеру придворные певчие с песнями»<sup>31</sup>. На Царицыном острове в тот день был накрыт вечерний стол на 85 персон<sup>32</sup>.

Это были первые гулянья при иллюминации на островах в новом парке Петергофа. В последующие два года события в революционной Европе сделали неуместными петергофские празднества, и они не устраивались вовсе. Только в 1850 году было решено организовать балетный спектакль на открытом воздухе около нового павильона «Озерки» в Луговом парке в честь дня рождения Александры Федоровны.

Строительство павильона завершилось еще летом 1848 года, но следующие два года благоустраивалась территория вокруг него: было вырыто два пруда, создан остров на одном из них, проложены дорожки, посажены деревья и кустарники, установлены скульптурные группы.

К организации праздника была привлечена Дирекция императорских театров. А. А. Роллер, главный декоратор и машинист, занимался созданием театра, в котором сцена устраивалась над водой, а зрители размещались в амфитеатре на 250 человек на берегу около павильона Озерки. К сожалению, пока не удалось обнаружить изобразительные материалы, позволяющие представить, каким был амфитеатр. Но «Требования Роллера о разных деревьях и цветах»<sup>33</sup> дают возможность узнать, что ложа императорской семьи была украшена в три ряда «цветными растениями». Сам театр в четырех местах украшался разными деревьями в кадках высотой в 5 аршин, а также «цветными растениями» высотой от одного до трех аршин<sup>34</sup>. Иллюминацию готовили поручик корпуса путей сообщения М. И. Пилсудский, архитектор Э. Л. Ган, смотритель титулярный советник Поварин, провизор титулярный советник Е. П. Кильштетт и плотницкий мастер И. И. Эзе<sup>35</sup>. Полковник Константин руководил устройством бенгальских огней и букетов<sup>36</sup>. Архитектор Э. Л. Ган отвечал за работы от Мельницы до Бабьего Гона<sup>37</sup>. Смотритель Поварин — за работы от Ольгина и Царицына павильонов и Дома полиции до Мельницы и палаток для ужина на одном из островов Лугового парка<sup>38</sup>.

В Петергофе уже три года не устраивалась традиционная большая иллюминация Нижнего парка. Слухи о предстоящем празднике распростра-





Ольгин павильон и Дом полиции. Открытка. ГМЗ «Петергоф»

нялись по столице. Увеличивалось количество пароходных рейсов в Петергоф. Ожидалось большое стечение публики, что вызывало беспокойство организаторов праздника<sup>39</sup>. Предполагалось вызвать в помощь петергофской полиции коллег из Петербурга, но император «не изъявил высочайшего соизволения» на это, сочтя, что имеющихся в Петергофе жандармов достаточно<sup>40</sup>. Им в помощь был назначен один эскадрон лейб-гвардии Конно-пионерского дивизиона<sup>41</sup>.

Для приглашенных были напечатаны билеты трех видов: для входа в павильон и к высочайшему столу на острове; для предъявления полицейской команде на проезд к павильону; для входа на башню павильона во время иллюминации камер-фрау и камер-юнкерам. Также были отпечатаны программы о порядках приезда, проведения фейерверка и следования к павильону<sup>42</sup>.

Работы были столь объемны, что к 1 июля не успевали, и праздник перенесли на два дня позже<sup>43</sup>.

Вечером, в 9 часов, был устроен чай на террасе Монплезира для 220 приглашенных. После чая гости в четырех шарабанах, яхт-вагоне и 23 линиях отправились к Озеркам. Дом полиции, Ольгин и Царицын острова и павильоны, караулки, Никольский и Сельский домики, мельница, деревня Бабигон, Саперный лагерь и окрестности были иллюминированы цветными фонарями. Прибыв к павильону, гости «проезжали мимо одного кругом островов по иллюминации при играни музыки в шести местах». Приглашенные на праздник генералы

гвардейского корпуса, штаб- и обер-офицеры лейб-гвардейских полков, которым было роздано 175 билетов, собирались прямо у павильона Озерки<sup>44</sup>.

«Павильон Озерки, средоточие иллюминации, особенно привлекал любопытных, восхищавшихся его ярким и разнообразным освещением. Клумбы цветов и фруктов, скаты островков, устланных золотистым ковром частых огней, кустарники, пылавшие розами и тюльпанами, берега каналов, усеянных бисером шкаликов; огромный звездный щит, отражавшийся в зеркале воды; пламенеющие дорожки и аллеи, но нет, напрасно стали бы мы расточать слова, усиливаясь дать хотя бы слабое понятие о том, что видели...»<sup>45</sup> — так описывал праздничную иллюминацию писатель и журналист Леопольд Брант в «Северной пчеле».

На сцене, устроенной на воде перед южным фасадом павильона, был показан дивертисмент из балета «Наяда». Выбор балетного представления, по-видимому, не случаен. Балет «Наяда и рыбак» был создан по мотивам повести де ла Мотта Фуке «Ундины». Александра Федоровна прекрасно знала произведения этого автора. В юном возрасте его роман «Волшебное кольцо» был одним из самых любимых ее литературных произведений<sup>46</sup>. Роман «Ундины» был известен в Европе и пользовался большой популярностью. В 1831–1837 годах В. А. Жуковский перевел этот большой прозаический роман на русский язык, превратив его в стихотворную повесть. По мотивам «Ундины» в 1844 году в Лондонском Королевском

театре сценографом Ж. Перро был поставлен балет «Наяда и рыбак» на музыку композитора Ц. Пуни. С 1848 года Ж. Перро служил главным балетмейстером в Петербурге. Именно массовую сцену, дивертисмент, непревзойденным мастером которых он был, танцевальную сюиту из «Наяды и рыбака», где танец и пантомима находились в неразрывном единстве, поставил Ж. Перро для представления в Озерках<sup>47</sup>. Остров стал сценой, на которой разворачивалось действие представления. К ней «танцоров подвозили с берега на убранных зеленю небольших паромах, имевших вид небольших островков»<sup>48</sup>.

Наяда Азюрина пыталась очаровать рыбака Матео, который был влюблен в Жианину и ждал завтрашней свадьбы с ней. Азюрина подбрасывала рыбаку в сети золотистых и серебристых рыбок, пытаясь привлечь внимание Матео, просила у него букет, который он собрал для невесты. Но влюбленный рыбак, играя с наядой, не забывал невесту... Танцы наяд, рыбаков и девушек, сольные танцы Азюрины и Матео, сицилийский танец Матео и Жианины — все это было представлено на сцене над водой<sup>49</sup>.

На хромофотографии П. Ф. Бореля по рисунку И. Шарлеманя отчетливо видны рыбки, которых наяда положила в сети Матео. На первом плане — в ролях Матео и Азюрины Ж. Перро и А. Прихунова. Роль Гидролы, царицы наяд, исполняла Никитина, Жианины — З. Ришар. Четырех главных наяд представляли Соколова, Амосова, Снеткова и Макарова<sup>50</sup>.

А. Т. Гримм, воспитатель младших сыновей императора, описывая этот праздник, отметил особенность освещения, придававшего празднику оттенок фантастичности: «Это было в один из самых длинных дней в году, уже после захода солнца при загадочном дневном свете северного неба. Лес и вода служили здесь настоящей сценой для балета, расстаяние от зрителей было таково, что плоты, на которых появлялись нимфы, были незаметны и весь танец казался парящим над водой»<sup>51</sup>.

После спектакля гости в экипажах отправились от павильона к острову на ужин. Путь освещался бенгальскими огнями и маяками и был украшен большим щитом с вензелем Александра Федоровны. Звучала музыка. По понтонному мосту высочайшие особы и дамы следовали в эки-

пажах, а кавалеры — пешком. Мост в то время освещался двумя маяками. На острове для высочайших особ была поставлена турецкая палатка, за центральным столом в которой ужинали 14 человек. Там располагались члены императорской семьи — Николай I, Александра Федоровна, наследник Александр Николаевич с женой Марией Александровной, Константин Николаевич с женой Александрой Иосифовной, сыновья императора Николай и Михаил и высокие иностранные гости: принцесса Альтенбургская, принц Фридрих Нидерландский с супругой Луизой, сестрой Александры Федоровны, и брат императрицы Карл Фридрих Прусский. Вокруг центрального в палатке было поставлено еще четыре стола, за которыми ужинали фрейлины и некоторые кавалеры, 50 человек. Рядом стояли три палатки для других приглашенных. На острове были устроены куртины с деревьями и цветами и выставлены трофеи Саперного батальона. Ужин был накрыт на 393 персоны. Во время ужина непрерывно пускали ракеты с парашютами, а вокруг острова плавали иллюминированные лодки с музыкантами. Когда императорская фамилия ехала после ужина по иллюминации, зажгли маяки с перемежающимися огнями у караулки, винного погреба конторы Бабьего Гона, Сельского приказного домика и у мельницы<sup>52</sup>. Все завершилось громадным фейерверком<sup>53</sup>.

На следующий вечер было устроено повторение дивертисмента и полдник на 130 персон около павильона Озерки<sup>54</sup>.

По-видимому, именно тот день вспоминала много лет спустя А. П. Нетарова, участница спектакля. «Когда кончился спектакль, мы были вызваны на сцену, где уже собрались государь, государыня и вся царская фамилия... В мгновение ока были поставлены на сцене накрытые столы и арапы несли на больших подносах творог, простоквашу и фрукты... Императрица пожелала видеть все устройство спектакля и движений раковин по озеру, которое было так ловко устроено. Государыня попросила Роллера, чтобы он показал это без участвующего персонала. И все это было государыне показано. Устроено было так: на самом берегу оркестр, весь закрытый зеленью, а затем большая сцена на воде; на сцене декорация — цветы и зелень. По бокам сцены плоты, на этих плотках работали матросы. Подъезжа-



Балет «Наяда и рыбак» на Озерках. Хромолитографии П. Ф. Бореля по рисунку И. Шарлеманя. 1850 г. ГМЗ «Петергоф»

ли по группам и по линиям: когда одна пара плотов отъезжала, со стороны сцены подъезжала другая пара и сцена наполнялась наядами. Плоты тянули с берегов веревками на блоках под сценой. Когда все наяды были уже на сцене, подъезжал центральный плот с царицей наяд и маленькими воспитанницами. Этот плот шел прямо на публику и изображал громадную раковину. Во время спектакля освещенные солнцем группы были удивительно красивы. В продолжение всего балета, и особенно когда шла пантомима, слышно было пение соловья. Для этого был приглашен какой-то господин, который за пять рублей прекрасно щелкал соловьем, помещаясь на берегу между деревьями»<sup>55</sup>.

В Петергоф на праздник выезжали управляющий конторой Императорских театров А. Д. Киреев, помощник управляющего театральным училищем Аубель, балетмейстер Ж. Перро, режиссер Марсель, дирижер оркестра Франк, экзекутор конторы Гайдуков, а также помощник режиссера, 21 танцовщица, 20 воспитанниц училища, при них 2 гувернантки, 70 музыкантов, 5 капельдинеров, нотный копиист, 2 бутафора, 6 горничных, 2 костюмера, 2 парикмахера, 13 портных мужских и женских и 2 цветочницы<sup>56</sup>. Участникам представления были пожалованы подарки. Балетмейстеру Ж. Перро и декоратору А. Роллеру были вручены перстни с темными топазами, дирижеру Франку и режис-



А. Премацци. Павильон Озерки в Луговом парке. 1850. ГМЗ «Петергоф»



серу Марселю — перстни с бриллиантами. Е. Н. Никитиной — брошь с темным топазом, А. Прихуновой — серьги с изумрудами, З. Ришар — серьги с рубинами, Снетковой — брошь с тремя топазами, Макаровой — фермуар с рубинами, Соколовой и А. Н. Амосовой — серьги бриллиантовые<sup>57</sup>.

Были награждены и организаторы иллюминации. Полковник Константинов, капитан I ранга Краббе, состоявший при начальнике Главного морского штаба, поручик Корпуса путей сообщения М. И. Пилсудский, архитектор Э. Л. Ган, провизор Е. П. Кильштет получили бриллиантовые перстни. Советник Поварин и столярный мастер И. И. Эзе были пожалованы золотыми табакерками. Чинам петергофской полиции было выдано 11 рублей серебром. По рублю получили три унтер-офицера, 16 рядовым выдали по 50 копеек<sup>58</sup>.

Л. Брант в «Северной пчеле» от 18 июля 1850 года так описал праздничную иллюминацию в тот день: «От островов Ольгина и Царицына до деревни «Бабы-Гоны» вся местность на несколько верст в окружности представляла нескончаемую цепь художественного освещения. Здания, мостики, избы, долины, мельница, возвышения, уступы, пологости, все это, оттененное мраком тихой ночи, выступало в пламени. Если бы вытянуть в одну прямую линию все огни роскошной иллюминации, они составили бы 80 верст. На этом пространстве в разных местах и положениях, горело 16 тысяч разноцветных фонарей, около 400 тыс. обыкновенных шкаликов, 10 тыс. цветных и 9 тыс. изображавших плоды. Известный наш декоратор, академик А. Роллер, был искусным исполнителем мысли — воссоздать этой иллюминацией дневной вид пейзажа, мысли гениальной в самой простоте своей. Как ни великолепно была прежняя иллюминация Нижнего парка, должно сознаться, что нынешняя далеко превосходила ее изяществом, грацией и утонченностью вкуса. Декорацией здесь служила сама природа, устранявшая всякий изысканный вымысел. Желательно было извлечь из мрака ночи собственно натуральный характер масштаба и полное достижение этой поэтической цели доказало, что истина, простота и натура превыше всего»<sup>59</sup>.

Барон М. А. Корф в своих воспоминаниях писал: «При чудесной погоде и необыкновенном изяществе иллюминации и всего убранства це-

лое походило на сказку из тысячи и одной ночи; но все же это был не прекрасный Петергофский народный праздник, укоренившийся, так сказать, в наших обычаях и преданиях, подобно бывалым прежде 1-го января народным же маскарадам в Зимнем дворце. Многие старожилы сожалели, даже и в политическом отношении, об отмене, с некоторого времени, того и другого»<sup>60</sup>.

Театр, сооруженный под руководством А. А. Роллера, был разобран, доски и брусья пронумерованы. Высочайше приказано было его хранить<sup>61</sup>.

После того праздник, в августе 1850 года архитектору Н. Л. Бенуа было приказано составить смету для исчисления стоимости постройки «античного» театра на Ольгином острове, такого же, как театр в Лазенках<sup>62</sup>. Каменный амфитеатр в Лазенках был создан в 1790—1793 годах во времена правления Станислава Августа Понятовского по проекту архитектора Я. Х. Камзетцера. Почему Николай именно его избрал его за образец? Он часто посещал Варшаву и останавливался в загородной резиденции. Но, совершив путешествие по Италии, он видел и подлинные античные театры. Может быть, сыграло свою роль то, что сцена театра в Лазенках располагается на острове, что роднило замысел Николая с замыслом Станислава Августа Понятовского. Возможно, имело значение и то, что из Варшавы быстро можно было получить рисунки и чертежи для архитектора, составившего смету. Повторение постройки удешевляло ее. Это было немаловажно для императора, который, отвечая на вопросы Н. Л. Бенуа, старавшегося точно выяснить желания императора, явно стремился к тому, чтобы постройка не была слишком дорогой. Смета в том же году была выполнена, но проект не осуществили, возможно, из-за его немалой стоимости<sup>63</sup>.

В следующем 1851 году император пожелал, чтобы иллюминация была такой же, как и за год до того. Он поручил ее устройство обер-фельдмаршалу графу А. П. Шувалову. От Петергофской придворной конторы к А. П. Шувалову был командирован советник А. Гейрот. Сам Николай I принял активное участие в подготовке праздника. Он выехал с графом на место и дал распоряжения о порядке его проведения. Император затребовал выполненные архитектором Р. И. Кузьминым рисунки для иллюминации 1846 года, не использовав-

шиеся в том году, и выбрал узор для освещения Самсоньевского канала, собственноручно карандашом поправив его, уменьшив огни<sup>64</sup>. Листы с пометками императора хранятся в архиве ГМЗ «Петергоф». На них отмечено не только уменьшение огней, но и указано, где эти фигуры должны располагаться. Этим трем листам даны новые номера, также написанные карандашом. На первом сделана надпись: «На Озерках, по обе стороны фигуры Нила»<sup>65</sup>. На втором листе: «Между караулкой и Нилом по обе стороны канала»<sup>66</sup>. Надпись на третьем листе гласит: «От дачи Клевещкой до караулок с обеих сторон»<sup>67</sup>. Было задумано так, чтобы украшенные тысячами шкаликов шпалеры вдоль Самсоньевского канала, с обеих его сторон, начинались тогда, когда гости уже почти миновали Ольгин пруд и, осмотрев иллюминированные острова и берега пруда, попадали в сияющую огнями аллею.

К предстоящему празднику сооружались театр и сцена на воде, 24 пьоты, арки на Озерках, конструкции на Самсоньевском канале, на мельнице, в Царицыном павильоне и Итальянском домике (Ольгином павильоне), на железных воротах Верхнего сада, изготовлялся огромный щит, или картина, который поначалу планировали поставить около Озерков, но затем перенесли к «Драконову каскаду»<sup>68</sup>.

Работали плотники, нанятые подрядчиками, но дел было столько, что привлекли военных, нижних чинов лейб-гвардии гарнизонного батальона<sup>69</sup>. Работали и по ночам<sup>70</sup>. В разгар работ Николай I своим распоряжением запретил посторонним в экипажах проезжать от Колонистского моста к Озеркам, чтобы они не мешали работам<sup>71</sup>.

Театр и сцену на воде, которые, как и в минувшем году, сооружались под руководством А. А. Роллера, украсили деревьями. Их срубленными поставили для этих целей 1050 штук<sup>72</sup>. На императорском стекольном заводе заказывались по образцам, посланным Петергофским дворцовым правлением, дополнительно к имеющимся в кладовых фонари разных размеров и форм и шкалики<sup>73</sup>. На иллюминационном дворе соскабливали старую краску с фонарей, сличали хранившиеся фигуры для иллюминации с рисунками, утвержденными государем, сортировали шкалики, исправляли шкаличные кольца, получали бочонки сала с кух-

ни, мыли хрустальные фонари, стекла и лампы в жестяных фонарях, делали фитили для шкаликов, вставляли светильники в поплавки<sup>74</sup>. Счета и ведомости дают нам возможность определить, какого типа лампы использовали для иллюминации: восковые маленькие шкалики и лампы, большие шары, большие «тюльпаны» на кольях, фонари, покрытые краской, жестяные шестиугольные фонари с цветными стеклами, хрустальные белые фонари с вкладными шкаликами. Половина шкаликов была наполнена салом, а половина — спермацетом, использовались «цветные химические воды»<sup>75</sup>.

Император сам составил подробнейшую инструкцию по организации сбора гостей на праздник, определяя пути следования гостей к павильону<sup>76</sup>.

Он же разрешил желающим поставить кондитерские и рестораторские палатки для продажи кофе, чая, фруктов, мороженого, лимонада, но не водки. «Его величеству угодно, чтобы для наблюдения за порядком поставлено было к каждой по одному полицейскому офицеру», — сообщал П. М. Волконский С. М. Лихардову<sup>77</sup>.

Иллюминация 1851 года была более пышной по сравнению с той, что состоялась годом ранее. В 1850 году Ольгин и Царицын острова освещались только с одной стороны — с западной, обращенной к Самсоньевскому каналу. В 1851 году они иллюминировались с трех сторон, а по берегам пруда освещались некоторые частные дома и даже заборы. В 1851 году иллюминировались Верхний сад и Монплеизр, чего не было прежде. Отличием стало и то, что по Самсоньевскому каналу от караулки до Озерков были устроены в два ряда щиты и шпалеры, а у Озерков — пирамиды и большой щит<sup>78</sup>.

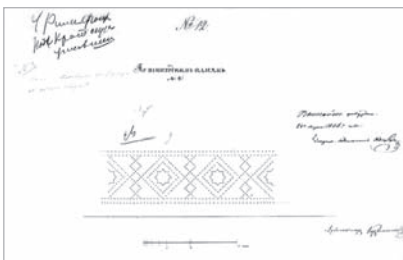
Праздник в честь тезоименитства Ольги Николаевны 11 июля начался с того, что для 200 приглашенных в Большой дворец на балконе было устроено чаепитие, а затем гости в пяти шарабах и 23 линейях по зажженной иллюминации проезжали через Верхний сад. С членами императорской семьи ехали гостившие в это время в Петергофе наследный принц Веймарский, герцогиня Веймарская и принц Александр Гессенский, брат цесаревны Марии Александровны<sup>79</sup>.

Вот как об открывавшемся гостям виде в стиле журналистики того времени написала в «Северной пчеле» Мария Корсини: «Весь партер перед дворцом вдруг осветился разно-

Р. И. Кузьмин.  
Рисунки для иллюминации 1846 г.  
в Нижнем парке Петергофа  
(с карандашными пометками  
Николая I 1851 г.). ГМЗ «Петергоф».  
Публикуются впервые



Подпись карандашом:  
«На Озерках, по обе стороны  
фигуры Нила»



Подпись карандашом:  
«Между караулкой и Нилом  
по обе стороны канала»

цветными огнями. В одно мгновение роскошные цветы на кустарниках сменились блестящими плодами, а дерн покрылся тысячами драгоценных камней. К темным веткам столетних деревьев прильнули прозрачные тюльпаны, красивые вазы, светящиеся шары. На ночную зелень как будто налетели несметные рои неведомых до сих пор насекомых огромных, сияющих радужными красками. Образовался длинный листовенный свод, где сумрак, бледнея перед бесчисленными переливами оттенков, сохранял однако же свою таинственность, всю свою поэзию»<sup>80</sup>. «На последней площадке верхнего сада, перед железными воротами, горел разноцветными огнями огромный щит с вензелем Великой Княгини Ольги Николаевны», — отметил в своем описании этого праздника А. Ф. Гейрот<sup>81</sup>.

Далее, «по левую руку зеркальное озеро покоилось в алмазных берегах; на нем гуляла точно воздушная, нарядная яхта, издававшая гармонические звуки музыки. Дальше, облитый огнем павильон на Ольгином Острове; за ним бриллиантовая струя рисовала изящные формы дворца на Царицыном Острове. Оба здания

представляли зрелище до такой степени восхитительное и необычайное, что с трудом верилось в их действительность, и не будь убежденности, что они Царские, фантазия приняла бы их за явление сверхъестественное, за волшебство, за мимолетный призрак восторженной мечты»<sup>82</sup>.

Гости проезжали мимо Дома полиции, и чуть дальше, за дачей Клевцевкой, на углу Самсоньевской и Лагерной улиц, начинались шпалеры, обрамлявшие дорогу вдоль Самсоньевского водовода. «Дорога, или, лучше сказать, две параллельные, прямые и правильные аллеи, разделены током воды, бегущим уступами, шли к павильону, что на Озерках, между двумя пылающими стенами. Кружевные узоры художественно обведены были огненными линиями на сумрачном вечернем воздухе. Обе аллеи соединяются в одном месте мостиком с перилами легкого очертания, с небольшими пьедесталами, а на них вазы, из которых вилось яркое изумрудное пламя, и придавало всему окружающему что-то фантастическое и волшебное»<sup>83</sup>. В роще за караулкою, у двух мостов, «на поляне между деревьями и кустами была представлена живая картина “Цыганский табор”, освещенная бенгальскими огнями»<sup>84</sup>. «В конце аллеи, разделившихся на две дороги, возвышается над озером павильон; за ним была устроена на открытом воздухе сцена...»<sup>85</sup>.

Приглашенные во дворец проезжали по этой волшебной дороге, часть зрителей же собиралась у павильона. Для них было выдано 237 билетов. Это были офицеры Гвардейского и Морского корпусов<sup>86</sup>.

Когда высочайшие особы прибыли к павильону, началось балетное представление. В этом году повторили дивертисмент из балета «Наяда», поставленный для прошлогоднего праздника. Сцена во время представления освещалась бенгальскими огнями<sup>87</sup>.

Один из организаторов праздника и, несомненно, его зритель А. Ф. Гейрот писал: «Наяды действительно подплывали к сцене в небольших лодках, устроенных в виде раковин... Вправо на дальнем плане виднелись деревянные Бабьего-гона, иллюминированные по главным архитектурным линиям, так что очертания каждой избы видно было издали»<sup>88</sup>. «На озерах виднелись островки с горящим грунтом вместо дерна, на котором живописно обрисовывались клумбы кустарников и цветов, а из их бархатной зелени при-

поднимались мраморные и бронзовые статуи», — дополняет это описание Мария Корсини<sup>89</sup>.

Как и за год до этого, на озерах плавали катера, украшенные цветными фонарями<sup>90</sup>.

После представления императорская семья с приглашенными гостями отправились в Монплеизр, возвращаясь по иллюминации. Ольгин пруд, который был окаймлен рядом шкаликов, освещался еще и бенгальскими огнями. Аллея Нижнего сада, ведущая к Монплеизру, была иллюминирована разноцветными фонарями. В Монплеизре гостей угощали чаем. «В заключение праздника был сожжен над Драконовою горою великолепный фейерверк», — писал А. Гейрот<sup>91</sup>. «Партер у Монплеизра был освещен с необыкновенной грацией; против него возвышался огромный щит с августейшим вензелем Августейшей Именинницы, загоревшийся в одно мгновение. А там, с шумом помчались по воздуху ракеты до самых облаков; с легкостью эфира полетели римские

свечи, звезды, бенгальские огни»<sup>92</sup>. Так описал фейерверк над Драконовою горой автор публикации в «Северной пчеле».

На следующий день, как и в прошлом году, дивертисмент повторили для небольшого круга лиц. Гости, 97 человек, были приглашены императрицей в павильон Озерки на полдник. Великий князь Николай Николаевич в дневнике отметил, что было «очень весело и мило, лучше вчерашнего»<sup>93</sup>.

Советник Петергофского дворцового правления полковник А. Ф. Гейрот и смотритель за материалами титулярный советник Поварин были награждены за устройство иллюминации бриллиантовыми перстнями, а смотрителю иллюминационных кладовых коллежскому секретарю Андрееву было пожаловано 100 рублей<sup>94</sup>. Театральная дирекция просила наградить Ж. Перро, который, уже не состоя на службе, по просьбе дирекции танцевал в дивертисменте, и Ц. Пуни. Композитор дирижировал оркестром, хотя ангажемент его еще не начался. Ис-

прашивались награды для режиссера балетной труппы Марселя и воспитанницы Радиной, которая в этом спектакле первый раз исполнила значительную роль Наяды и заслужила одобрение императора<sup>95</sup>. Великий князь Николай Николаевич в своем дневнике упомянул, что в спектакле участвовали, наряду с Радиной и Перро, Амосова 1, Амосова 2, Снеткова и другие<sup>96</sup>.

Петергофские праздники в эпоху царствования императора Николая I начались в 1830 году устройством маскарада и иллюминации Нижнего парка в день рождения императрицы. В последние годы его правления они приобрели новые черты и переместились в пространстве. «Итальянские» павильоны Колонистского и Лугового парков, пейзажные озерные парки, острова, «воздушные» театры, новый тип иллюминации — все это стало фоном праздничных балетных представлений на сценах, устроенных над водой. Традиции такого рода праздников в Петергофе продолжались преемниками Николая I вплоть до конца XIX века.

<sup>1</sup> Все даты указаны по старому стилю.

<sup>2</sup> Kurjer Warszawski. 1846. 23 мая. № 134.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1863. Л. 1—1 об.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Иллюминация в Лазенках в честь прибытия Александры Федоровны и Ольги Николаевны была устроена 26 мая (6 июня) // Kurjer Warszawski. 1846. 7 июня (27 мая). № 148.

<sup>6</sup> Из записок барона (впоследствии графа М. А. Корфа) // Рус. старина. 1900. Т. 102. № 5. С. 287.

<sup>7</sup> РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 241.

<sup>8</sup> Сев. пчела. 1846. 29 июня. № 144. С. 573.

<sup>9</sup> РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 242.

<sup>10</sup> В. Ал. Дружеское письмо в Москву // Сев. пчела. 1846. 29 июля. № 168.

<sup>11</sup> РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1863. Л. 9—9 об.

<sup>12</sup> Там же. Л. 12 об. — 13 об.

<sup>13</sup> Там же. Л. 4—4 об.

<sup>14</sup> В камер-фурьерском журнале за 8 июля 1846 года записано, что во время бала в Английском дворце «английский сад против дворца был иллюминирован разными фонарями» (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 242).

<sup>15</sup> РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1863. Л. 15, 23.

<sup>16</sup> ЦГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 242.

<sup>17</sup> РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2035. Л. 16.

<sup>18</sup> Там же. Ф. 497. Оп. 4. Д. 2558. Л. 480 об.; Д. 2560. Л. 142.

<sup>19</sup> Там же. Ф. 472. Оп. 17 (6/938). 1846 г. Д. 122. Л. 1, 2. Артистам были пожалованы подарки: отцу Тамбурины — в 700 рублей, сыну Тамбурины — в 400 рублей, музыканту Ферреро — в 300 рублей.

<sup>20</sup> ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 84. Л. 17.

<sup>21</sup> РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2035. Л. 11.

<sup>22</sup> Там же. Л. 4.

<sup>23</sup> Там же. Л. 5.

<sup>24</sup> По-видимому, имеется в виду купальня на мысу в северной части озера.

<sup>25</sup> РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2035. Л. 15.

<sup>26</sup> Там же. Л. 14, 16.

<sup>27</sup> Там же. Л. 14, 100.

<sup>28</sup> Там же. Л. 105, 131.

<sup>29</sup> Там же. Л. 79, 80, 83 об.

<sup>30</sup> Там же. Л. 87 об. — 88.

<sup>31</sup> Там же. Ф. 516. Д. 1 (120/2322). Д. 255.

<sup>32</sup> Там же.

<sup>33</sup> Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2222. Л. 4.

<sup>34</sup> Там же.

<sup>35</sup> Там же. Л. 9.

<sup>36</sup> Там же. Л. 7.

<sup>37</sup> Там же. Л. 113—122.

<sup>38</sup> Там же. Л. 151—166.

<sup>39</sup> Там же. Л. 7, 13.

<sup>40</sup> Там же. Л. 14.

<sup>41</sup> Там же. Л. 6.



- <sup>42</sup> Там же. Л. 12. К сожалению, нам известно о существовании этих программ только из перечисления их в документах Петергофского дворцового правления, самих программ обнаружить не удалось.
- <sup>43</sup> Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Рус. старина. Т. 102. 1900. Кн. 5. С. 287.
- <sup>44</sup> РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 291.
- <sup>45</sup> Брант Л. Праздник в Петергофе // Сев. пчела. 1850. 17 июля. № 157.
- <sup>46</sup> См. подробнее: В. А. Пахомова-Герес. Праздник белой розы и театр мечты эпохи романтизма // Волшебство белой розы. История одного праздника. Каталог выставки. СПб., 2000.
- <sup>47</sup> Премьера балета состоялась в Петербурге на сцене Большого театра полгода спустя, 30 января 1851. Это был бенефис Ж. Перро, который исполнял роль Матео.
- <sup>48</sup> Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Рус. старина. Т. 102. 1900. Кн. 5. С. 287.
- <sup>49</sup> Брант Л. Указ. соч.
- <sup>50</sup> Там же
- <sup>51</sup> А. Т. Гримм. Александра Федоровна, русская императрица. Лейпциг, 1865–1866. Т. 2 (цит. по переводу: Архив ГМЗ «Петергоф», ПДМП 5612 ар. Л. 12).
- <sup>52</sup> РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 291.
- <sup>53</sup> Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Рус. старина. 1900. Т. 102. Кн. 5. С. 287.
- <sup>54</sup> РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 291.
- <sup>55</sup> Нетарова А. П. Из воспоминаний артистки // Ист. вестн. 1903. Ноябрь. Т. 94. С. 441. Свистал соловьем литаврист Императорских театров Фусс, за что ему было заплачено 50 руб. (РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (6/938), 1850 г. Д. 401. Л. 1, 2).
- <sup>56</sup> РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 263. Л. 10–10 об.; Ф. 497. Оп. 4. Д. 2575. Л. 43.
- <sup>57</sup> Там же. Ф. 497. Оп. 4. Д. 2575. Л. 30 об., 31, 43.
- <sup>58</sup> Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2222. Л. 18–20.
- <sup>59</sup> Брант Л. Указ. соч.
- <sup>60</sup> Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Рус. старина. 1900. Т. 102. № 5. С. 287.
- <sup>61</sup> РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 1047. Л. 37.
- <sup>62</sup> Старицына Г. К. Ольгин павильона на Ольгином острове в Петергофе: Ист. справка. Л., 1986; Архив проектно-сметной документации ГМЗ «Петергоф». Л. 51.
- <sup>63</sup> Там же. Л. 52–54.
- <sup>64</sup> РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2355. Л. 36.
- <sup>65</sup> Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 2127 ар.
- <sup>66</sup> Там же. 2126 ар.
- <sup>67</sup> Там же. ПДМП 2128 ар.
- <sup>68</sup> РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2354. Л. 45–45 об.
- <sup>69</sup> Там же. Л. 26.
- <sup>70</sup> Там же. Л. 26, 62, 63.
- <sup>71</sup> Там же. Л. 40.
- <sup>72</sup> Там же. Л. 27.
- <sup>73</sup> Там же. Л. 3.
- <sup>74</sup> Там же. Л. 47.
- <sup>75</sup> Там же. Д. 2355. Л. 82–84.
- <sup>76</sup> Там же. Л. 40.
- <sup>77</sup> Там же. Д. 2363. Л. 3.
- <sup>78</sup> Там же. Д. 2354. Л. 72 об.
- <sup>79</sup> Там же. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 303.
- <sup>80</sup> Корсини М. Петергоф и петергофский праздник 11 июня текущего года // Сев. пчела. 28 июля. 1850. № 168.
- <sup>81</sup> Гейрот А. Ф. Описание Петергофа. СПб., 1868. С. 50.
- <sup>82</sup> Корсини М. Там же.
- <sup>83</sup> Там же.
- <sup>84</sup> Гейрот А. Указ. соч.
- <sup>85</sup> Корсини М. Указ. соч.
- <sup>86</sup> РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 303.
- <sup>87</sup> Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2355. Л. 79.
- <sup>88</sup> Гейрот А. Указ. соч.
- <sup>89</sup> Корсини М. Указ. соч.
- <sup>90</sup> РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2355. Л. 73.
- <sup>91</sup> Гейрот А. Указ. соч. С. 51.
- <sup>92</sup> Корсини М. Указ. соч.
- <sup>93</sup> РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. Л. 7.
- <sup>94</sup> Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2354. Л. 9–13.
- <sup>95</sup> Там же. Ф. 497. Оп. 2. Д. 13497. Л. 11.
- <sup>96</sup> Там же. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. Л. 7. В дневнике Николай Николаевич также записал, что «публики в саду было ужасно много, по три парохода приходили в 1/4 часа, битком набитые». «Северная пчела» сообщала: «Без всякого предварительного печатного извещения, в столице разнесся слух, что 11 июля, в среду, будет иллюминация в привлекательном Петергофе, и народ хлынул туда толпою. ...О числе посетителей петергофского праздника можно судить еще по тому, что перевозка их пароходами в обратный путь происходила непрерывно в продолжение всей ночи и утра 12 июля, так что даже в этот день, в третьем часу пополудни пароходы приходили совершенно полные (Пчелка. Петерб. смесь // Сев. пчела. 1851. № 159. 18 июля).